

УДК 82-992

Е.Г. Новикова

**КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ А.П. ЧЕХОВА КАК ПОЕЗДКА
НА САХАЛИН: ПОЗИЦИЯ ПИСАТЕЛЯ**

Статья посвящена одному из «вечных» вопросов чеховедения о целях и задачах поездки А.П. Чехова на о. Сахалин. В статье утверждается, что фактически это было кругосветное путешествие писателя; в связи с этим анализируются представления Чехова о публичной позиции писателя, которые и обусловили его собственное определение кругосветного путешествия только как «поездки на Сахалин».

Ключевые слова: А.П. Чехов, путешествие, русская литература XIX в.

«Маршрут: река Кама, Пермь, Тюмень, Томск, Иркутск, Амур, Сахалин, Япония, Китай, Коломбо, Порт-Саид, Константинополь и Одесса. Буду и в Маниле. Выеду из Москвы в начале апреля» [1. П. Т. 4 С. 14], – пишет А.П. Чехов брату Михаилу 28 января 1890 г. Из письма И.Л. Леонтьеву (Щеглову) от 16 марта: «Мой маршрут таков: Нижний, Пермь, Тюмень, Томск, Иркутск, Сретенск, вниз по Амуру до Николаевска, два месяца на Сахалине, Нагасаки, Шанхай, Ханькоу, Манилла, Сингапур, Мадрас, Коломбо (на Цейлоне), Аден, Порт-Саид, Константинополь, Одесса, Москва, Питер» [1. П. Т. 4. С. 38].

И далее, в том же письме: «Если на Сахалине не съедят медведи и каторжные, если не погибну от тифонов в Японии, а от жары в Адене, то возвращусь в декабре и почию на лаврах <...> Не хотите ли поехать вместе? Будем на Амуре пожирать стерлядей, а в де Кастри глотать устриц, жирных, громадных, каких не знают в Европе; купим на Сахалине медвежьих шкур по 4 р. за штуку для шуб... в Японии схватим японский... а в Индии напишем по экзотическому рассказу, или по водевилю «Ай да тропики!», или «Турист поневоле», или «Капитан по натуре», или «Театральный альбатрос» и т. п.» [1. П. Т. 4. С. 38].

Из письма А.С. Суворину от 15 апреля: «<...> привезу Вам <...> голую японку из слоновой кости <...> Напишу Вам в Индии экзотический рассказ» [1. П. Т. 4. С. 32]. А вот уже вполне серьезно в письме к Н.А. Лейкину от 31 марта: «Свои сахалинские, японские, китайские и индийские адреса сообщу и буду сообщать своевременно» [1. П. Т. 4. С. 52].

21 апреля 1890 г. Чехов выезжает из Москвы и во время своей поездки посещает Ярославль, Нижний Новгород, Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Ишим, Томск, Мариинск, Ачинск, Красноярск, Канск, Иркутск, Читу, Нерчинск, Сретенск, Благовещенск, Николаевск, Айгун (Китай), о. Сахалин, Владивосток, Сингапур (английская колония в Китае), Коломбо (о. Цейлон, Индия), Кэнди (о. Цейлон, Индия), Порт-Саид (Африка), Одессу; путешествует при этом по Волге, Каме, Оби, Амуру, Татарскому проливу, Индийскому океану, Японскому, Красному, Средиземному, Мраморному, Черному морям (см.: [2]).

Более того, фактически сразу же после возвращения Чехова с Сахалина последовала его поездка в Европу. Прибыв в Москву 8 декабря 1890 г., уже 19 марта 1891 г. он вновь отправляется в путешествие: теперь, после Азии, – в Западную Европу. Из письма М.Е. Чехову от 13 марта 1891 г.: «Уезжаю ненадолго в Италию и во Францию <...> Я еду через Варшаву на Вену, оттуда в Венецию, потом в Милан, во Флоренцию, Рим, Неаполь, Палермо и т.д. В Неаполе уже цветут розы. Когда в Риме осмотрую храм Петра и Павла (собор Св. Петра. – *Е.Н.*), то опишу Вам свое впечатление» [1. П. Т. 4. С. 196].

Действительно, во время своего европейского путешествия Чехов посетил Вену, Венецию, Болонью, Флоренцию, Рим, Неаполь, Ниццу, Монте-Карло, Париж (см.: [2]). Общее описание европейского путешествия – в письме к родным от 15 апреля 1891 г. из Ниццы: «Из всех мест, в каких был доселе, самое светлое впечатление оставила во мне Венеция. Рим похож в общем на Харьков, а Неаполь грязен. Море же не прельщает меня, так как оно надоело мне еще в ноябре и декабре <...> я непрерывно путешествую целый год. Не успел вернуться с Сахалина, как уехал в Питер, а потом опять в Питер и в Италию» [1. П. Т. 4. С. 217].

Характерно, что в уже упомянутом здесь письме М.Е. Чехову вслед за обещанием «описать впечатление» о Риме сразу же следует воспоминание о Цейлоне: «Когда в Риме осмотрую храм Петра и Павла, то опишу Вам свое впечатление. Какая интересная страна Индия! Я хотел бы рассказать Вам про нее» [1. П. Т. 4. С. 196]. Из письма сестре Марии от 4 апреля 1891 г. из Неаполя: «Днем ездили наверх, в монастырь St. Martini: отсюда вид такой, какого я никогда не видел ранее. Замечательная панорама. Нечто подобное я видел в Гонг-Конге, когда поднимался на гору по железной дороге» [1. П. Т. 4. С. 211]. В собственном восприятии Чехова его азиатское и европейское путешествия – едины.

Выехав в Азию 21 апреля 1890 г., 27 апреля 1891 г. он возвращается из Европы в Россию. В сущности, это годовое кругосветное путешествие, и об этом совершенно прямо говорит сам Чехов в письме к брату Михаилу от 15 апреля 1891 г. из Ниццы: «Я непрерывно путешествую целый год. Не успел вернуться с Сахалина, как уехал <...> в Италию».

Традиционно же чеховедение квалифицирует данный этап его жизни исключительно как «поездку на Сахалин». Поразительно, но даже такой авторитетный исследователь пространственного мышления Чехова, как Н.Е. Разумова, также воспринимает эту поездку исключительно как «сахалинскую» (несмотря на то, что вводит представление о нем как о «самом «морском» писателе» [3. С. 231]). Только в последнее время начали появляться работы, посвященные иным, кроме Сахалина, этапам путешествия Чехова [4–7].

В свою очередь, современники писателя прекрасно чувствовали и понимали «кругосветность» его замысла. Из письма П.М. Свободина Чехову от 9 апреля 1890 г.: «Когда едете, милый человечина? Я думаю, теперь Вас дома-то обшивают, обувают и заштопывают в дорогу? «Странное, однако, чувство одолело меня, когда решено было, что я еду: тогда только сознание о громадности предприятия заговорило полно и отчетливо... нервы падали по мере того, как наступал час отъезда... Куда это? что я затеял?.. Но вдруг возникло опять грозное привидение и росло по мере того, как я вдавался в путь.

Это привидение была мысль: какая обязанность лежит на грамотном путешественнике перед соотечественниками, перед обществом...» Так писал Гончаров в 1852 году перед отплытием на «Палладе»; так, или приблизительно так, должен думать и чувствовать теперь наш Antoine. Конечно, с тех пор, с 52 года, утекло много воды: иначе оснастились корабли, иными стали все пути сообщения на свете; многое, многое изменилось, переделалось в мире. Но не переделалось сердце человеческое, не изменилась душа Божья, а потому-то рассуждения Гончарова и до сих пор, по-моему, совершенно приложимы к такому предприятию, какое затеяли Вы, милый друг, и в котором да пошлет Вам Бог всяческого успеха!» [8. Т. 1. С. 414].

Ср. текст «Фрегата «Паллада» И.А. Гончарова: «Странное, однако, чувство, одолело меня, когда решено было, что я еду: тогда только сознание о громадности предприятия заговорило полно и отчетливо <...> нервы падали по мере того, как наступал час отъезда <...> Я был жертвой внутренней борьбы, волнений, почти изнемогал. – «Куда это? Что я затеял?» <...> Казалось, все страхи, как мечты, улеглись: вперед манил простор и ряд неиспытанных наслаждений. Грудь дышала свободно, навстречу веяло уже югом, манили голубые небеса и воды. Но вдруг за этой перспективой возникало опять грозное привидение и росло по мере того, как я вдавался в путь. Это приведение была мысль: какая обязанность лежит на грамотном путешественнике перед соотечественниками, перед обществом, которое следит за плователями?» [9. С. 64–66].

Сравнение чеховских «Из Сибири» и «Острова Сахалин» с «Фрегатом «Паллада» сейчас своего рода общее место чеховедения, но пальма первенства в этом принадлежит, очевидно, Свободину. Трогательно точно цитируя в своем письме Гончарова, он подчеркивает масштаб путешествия обоих писателей как путешествия по всему «свету», по всему «миру».

До тех пор, пока поездка Чехова будет восприниматься исключительно как «сахалинская», с ней традиционно будет связан своего рода «вечный вопрос» чеховедения. Как формулирует его (отчасти иронически) И.Н. Сухих, «никто, в том числе и сам Чехов, не мог (или не хотел) толком объяснить, зачем его понесло на Сахалин» [10. С. 4]. Но если мы квалифицируем поездку Чехова как кругосветное путешествие, вопрос о том, куда и зачем «понесло» писателя, снимается: кругосветное путешествие как таковое имеет давнюю культурную, и хотя бы уже поэтому вполне осмысленную, традицию.

В частности, оно издавна было известным (чуть ли не медицинским) средством для преодоления душевного кризиса, затянувшейся депрессии, сложных ощущений и переживаний, связанных с экзистенциальной потерянностью человека в мире. Как известно, на рубеже 1880–1890-х гг. Чехов переживал именно нечто подобное. «Если <...> мы знали бы, что нам делать, Фофанов не сидел бы в сумасшедшем доме, Гаршин был бы жив до сих пор, Баранцевич не хандрил бы, и нам бы не было так скучно и нудно, как теперь, и Вас бы не тянуло в театр, а меня на Сахалин. <...> Я еду не для наблюдений и не для впечатлений, а просто для того только, чтобы пожить полгода не так, как я жил до сих пор», – пишет Чехов И.Л. Леонтьеву (Щеглову) 22 марта 1890 г. [1. П. Т. 4. С. 45].

Да, безусловно, в этом и в целом ряде других писем и высказываний писатель сам определяет свое будущее путешествие как «поездка на Сахалин».

Но, думается, здесь у Чехова следует различать позицию частного человека и позицию писателя. Как это сформулировано самим Чеховым в письме к Н.А. Лейкину от 5 июня 1890 г., «многое я видел и многое пережил, и все чрезвычайно интересно и ново для меня *не как для литератора, а просто как для человека* (курсив мой. – Е.Н.)» [1. П. Т. 4. С. 101].

Об этом же размышлял в свое время и Гончаров во фрагменте, отчасти цитируемом Свободины: «Грудь дышала свободно, навстречу веяло уже югом, манили голубые небеса и воды. Но вдруг за этой перспективой возникло опять грозное привидение и росло по мере того, как я вдавался в путь. Это привидение была мысль: какая обязанность лежит на грамотном путешественнике перед соотечественниками, перед обществом, которое следит за плователями? Экспедиция в Японию – не иголка; ее не спрячешь, не потеряешь. Трудно теперь съездить и в Италию без ведома публики тому, кто разбрался за перо. А тут предстоит объехать весь мир <...> Но как и что рассказывать и описывать? Это одно и то же, что спросить, с какой физиономией явиться в общество» [6. С. 66].

Человека «манит простор и ряд неиспытанных наслаждений», «голубые небеса и воды»; но на русском писателе «лежит обязанность», перед ним как «грозное привидение» стоит вопрос: «Как и что рассказывать и описывать?» Иначе – «Как явиться в общество?»

В сущности, данное размышление Гончарова – его собственный ответ, ответ Чехова, ответ всей русской литературы XIX в. на вопрос о том, зачем Чехова «понесло» на Сахалин. Гончаров развернуто объясняет эту позицию ответственности русского писателя XIX в. за свое слово как за свое дело.

Об этом же пишет и сам Чехов в известном письме к А.С. Суворину от 9 марта 1890 г., в котором, споря с ним, подробно разъясняет свое решение отправиться на Сахалин и написать о нем книгу: «Я хочу написать хоть 100–200 страниц и этим немножко заплатить своей медицине <...> Вы пишете, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен. Будто бы это верно? Сахалин может быть ненужным и неинтересным только для того общества, которое не ссылает на него тысячи людей и не тратит на него миллионов <...> Сахалин – это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный. Работавшие около него и на нем решали страшные, ответственные задачи и теперь решают. Жалею, что я не сентиментален, а то я сказал бы, что в места, подобные Сахалину, мы должны ездить на поклонение, как турки ездят в Мекку, а моряки и тюрьмоведы должны глядеть, в частности, на Сахалин, как военные на Севастополь» [1. П. Т. 4. С. 31–32].

Вот оно, совершенно прямое, непосредственное, развернутое объяснение Чехова, зачем он едет на Сахалин. Оно совершенно искренно, поскольку содержится в частном письме.

Однако, по сути, это позиция писателя, позиция публичного, а не частного человека: «Сахалин может быть ненужным и неинтересным только для того общества, которое не ссылает на него тысячи людей и не тратит на него миллионов». Именно отсюда столь часто встречающееся собственно чеховское определение своего будущего путешествия как поездки «на Сахалин»: такова в ней его профессиональная задача как писателя.

Отсюда же его интенсивная подготовка к поездке, подготовка также сугубо профессиональная: «Целый день сижу, читаю и делаю выписки. В голове и на бумаге нет ничего, кроме Сахалина. Умопомешательство. *Mania Sachalinosa*» [1. П. Т. 4. С. 19].

Но между позициями двух русских писателей-путешественников, Гончарова и Чехова, есть и существенное различие. Оно связано с разным ответом на вопрос: «Как и что рассказывать и описывать?»

Задача Гончарова – описать кругосветное путешествие в целом: «Трудно теперь съездить и в Италию без ведома публики тому, кто раз брался за перо. А тут предстоит объехать весь мир».

Позиция Чехова принципиально иная. Собираясь в путешествие, он планирует создать книгу о Сахалине и цикл очерков о Сибири для «Нового времени». И только. Как писатель в кругосветном путешествии он будет описывать только родную страну, Россию.

Впечатления обо всех иных странах останутся только в сфере его частной жизни. Ими он будет делиться только в частной переписке, причем крайне интенсивно. Его письма, посвященные описанию Вены, Венеции, Рима, Неаполя, Ниццы, Парижа, изумительны: «Восхитительная голубоглазая Венеция шлет всем вам привет. Ах, синьоры и синьорины, что за чудный город эта Венеция! Представьте себе город, состоящий из домов и церквей, каких вы никогда не видели: архитектура упоительная, все грациозно и легко, как птицеподобная гондола <...> Теперь представьте, что на улицах и в переулках вместо мостовых вода, представьте, что во всем городе нет ни одной лошади, что вместо извозчиков вы видите гондольеров на их удивительных лодках, легких, нежных, носатых птицах, которые едва касаются воды и вздрагивают при малейшей волне. И все от неба до земли залито солнцем» [1. П. Т. 4. С. 203].

Однако никакого цикла очерков заграничного путешествия, подобного циклу «Из Сибири», он никогда не создаст.

Для него как писателя это поездка на Сахалин, для него как частного человека – кругосветное путешествие.

Так Чехов понимал свою ответственность перед русским читателем: писать только о России.

Планируя поездку, он может говорить о каких-то возможных произведениях, созданных на материале иных стран, только в шуточной форме: «<...> в Индии напишем по экзотическому рассказу, или по водевилю “Ай да тропики!”, или “Турист поневоле”, или “Капитан по натуре”, или “Театральный альбатрос” и т. п.». Будущие зарубежные впечатления – «водевильные».

Идея написать в Индии «экзотический рассказ» получит достаточно своеобразное продолжение. Из письма А.С. Суворину от 23 декабря 1890 г.: «Посылаю Вам рассказ <...> Так как рассказ был зачат на Цейлоне, то, буде пожелаете, можете для шика написать внизу: «Коломбо, 12 ноября» [1. П. Т. 4. С. 148]. Как известно, этот рассказ – печальный и мудрый и, конечно же, совершенно не экзотический «Гусев» (его первая публикация в «Новом времени», действительно, сопровождалась надписью «Коломбо. 12 ноября»).

Личные воспоминания о других странах только фрагментарно и иногда будут появляться в произведениях Чехова, как, например, знаменитое описа-

ние Дорном Генуи: «Там превосходная уличная толпа. Когда выходишь вечером из отеля, то вся улица бывает запружена народом. Движешься потом в толпе без всякой цели, туда-сюда, по ломаной линии, живешь с нею вместе, сливаешься с нею психически и начинаешь верить, что в самом деле возможна одна мировая душа, вроде той, которую когда-то в Вашей пьесе играла Нина Заречная» [1. Т. 13. С. 49]. Как будто идея единой Души Мира ненадолго разомкнула пространство чеховского текста для впечатлений о странах иных.

Но, как было уже сказано выше, в целом Чехов рассказывает о своих заграничных путешествиях только в частных письмах. Поэтому только в них его поездка приобретает тот масштаб кругосветного путешествия, который она, собственно, имела.

«Я доволен по самое горло, сыт и очарован до такой степени, что ничего больше не хочу <...> Могу сказать: *пожил! Будет с меня.* Я был в аду, каким представляется Сахалин, и в раю, т.е. на острове Цейлоне. Какие бабочки, букашки, какие мушки, таракашки!» [1. П. Т. 4. С. 143]. То же самое – в письме к брату Александру от 27 декабря 1890 г.: «Да, Сашичка. Объездил я *весь свет* (курсив мой. – Е. Н.), и если хочешь знать, что я видел, то прочти басню Крылова «Любопытный». Какие бабочки, букашки, мушки, таракашки! <...> Проехал я через всю Сибирь, 12 дней плыл по Амуру, 3 месяца и 3 дня прожил на Сахалине, был во Владивостоке, в Гонг-Конге, в Сингапуре, ездил по железной дороге на Цейлоне, переплыл океан, видел Синай, обедал с Дарданеллами, любовался Константинополем и привез с собою миллион сто тысяч воспоминаний» [1. П. Т. 4. С. 153]. Из письма А.С. Суворину от 9 декабря 1890 г.: «Сахалин представляется мне целым адом <...> Первым заграничным портом на пути моем был Гонг-Конг. Бухта чудная, движение на море такое, какого я никогда не видел даже на картинках <...> Сингапур я плохо помню, так как когда я объезжал его, мне почему-то было грустно; я чуть не плакал. Затем следует Цейлон – место, где был рай. Здесь в раю я сделал больше 100 верст по железной дороге и по самое горло насытился пальмовыми лесами и бронзовыми женщинами <...> Красное море уныло; глядя на Синай, я умилялся. Хорош Божий свет» [1. П. Т. 4. С. 139–140].

Но это последнее письмо к Суворину еще и своеобразное продолжение письма к нему же от 9 марта 1890 г., того чеховского манифеста гражданской ответственности русского писателя, в котором он отстаивал свою идею поездки на Сахалин. После замечательного утверждения «Хорош Божий свет» здесь следует: «Одно только не хорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения, как дурно понимаем мы патриотизм! <...> Мы, говорят в газетах, любим нашу великую родину, но в чем выражается эта любовь? <...> Работать надо, а все остальное к черту» [1. П. Т. 4. С. 140]. Так общий контекст кругосветного путешествия еще более ярко выявил ту общественную проблематику поездки, которая в сознании Чехова была связана с его обязанностями как писателя: «Как мало в нас справедливости и смирения, как дурно понимаем мы патриотизм! <...> Работать надо, а все остальное к черту».

«Непрерывное путешествие целый год», в котором Чехов увидел «Божий свет», «весь свет» – таково было *кругосветное* путешествие писателя. Однако чеховское представление о публичной позиции русского писателя обуслови-

ло его собственное определение этого путешествия только как «поездки на Сахалин».

Литература

1. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974–1982.
2. *Гитович Н.И.* Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. М.: Наука, 1955.
3. *Разумова Н.Е.* Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства. Томск: Том. гос. ун-т, 2001.
4. *Капустин Д.* Человек с кровью странника в жилах // Знание-сила. 2008. № 6. С. 106–115.
5. *Капустин Д.* Антон Чехов – визит в Порт-Саид // Знание-сила. 2008. № 12. С. 104–110.
6. *Капустин Д.* Ад и рай Антона Чехова // Знание-сила. 2010. № 1. С. 119–125.
7. Чехов без глянца / сост., вступ. ст. П.Е. Фокина. СПб.: Амфора, 2009.
8. *Переписка А.П. Чехова: в 2 т.* М.: Худож. лит., 1984.
9. *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада»: (Очерки путешествия). М.: География, 1957. 656 с.
10. *Сухих И.* Чехов: сахалинский вопрос // Литература. 2007. № 8. С. 4–15.